

Дальний Восток: стремление к невидимости и ускользание. Как формируется идентичность жителей региона.

Дальний Восток: стремление к невидимости и ускользание. Как формируется идентичность жителей региона. Эксперт: социолог, завкафедрой философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета Леонид Бляхер.

Социология территорий. Совместный проект Незыгаря и ЦСП «Платформа»

В нулевые годы начинали зарождаться большие идентичности: региональные, национальные, политические. Они подкреплялись горизонтальными связями, отношениями лояльности в связи с определенными возможностями тех лет. Сегодня эта ситуация нивелирована в ноль. Последние 3-5 лет происходило размывание всех больших идентичностей. Главная ценность, которую показывают исследования и декларируют люди, – невидимость: человек хочет, чтобы общество его не видело.

Нулевые годы – период, когда действовали устойчивые связи, возникшие в 90-е – региональные связи, международные связи региона – но добавились федеральные деньги. Это было время возможностей, инициативы. А потом пришла федеральная экономика и уничтожила местную активность. Даже не потому, что она ей чем-то мешала – она ее просто не заметила. Вы идете по дороге, и у вас на пути муравейник – вы его пнете не из жуткой ненависти к муравьям, он просто под ноги попался.

После этого начинается два больших процесса. Фантастическое ускорение оттока активного успешного населения из региона и заполнение этой лакуны низкоквалифицированной рабочей силой – частью сельской, частью из Центральной Азии. Оттока количественного из региона практически нет, но меняется качество населения. Для нового населения региональная идентичность не существует. Она подменяется знанием ситуации и правил: «Я не идентифицируюсь с этим сообществом, но я знаю, как в нем надо действовать». Происходит то, что описал Бауман: «Когда идентичность не существует, а имитируется».

Прежде была устойчивая идентичность региона: Дальний Восток – крепость России на границе с Китаем и Японией. Потом у крепости отобрали врага. Первая новая идентичность – катастрофичная: мы те, кто оказались в заднице. Но жить в катастрофе нельзя. Даже если вокруг одни руины, человек начинает из них что-то выстраивать. И возникает новая идентичность: мы – те, кто не любит китайцев, но вынужден с ними дружить, те, кто ездит на японских автомобилях, потому что российские автомобили – дрянь, а европейские неоправданно дорогие. Возникает более-менее устойчивая региональная идентичность, которая активно поддерживается тем обстоятельством, что населенных центров в регионе немного, активных людей в этих городах еще меньше, и они, как правило, знакомы друг с другом. Соответственно, эти образы начинают транслироваться.

В силу переселенческой природы региона русские здесь, скорее, суперэтнос. Не русский – недавно приехавший и тот, кто педантирует факт своей этничности. То есть еврей в кипе – это все-таки еврей, а еврей, с которым я пошел в баню или на охоту, – русский. Армянин, который говорит по-армянски, отмечает факт своей принадлежности к древней нации, – это, конечно, армянин. А мой бизнес-партнер – настоящий русский. Русский – равно обычный.

Когда возникает внешняя угроза, жители региона однозначно идентифицируют себя как россиян. Когда кто-то говорит, что все жители России должны посыпать голову пеплом, это вызывает сильную ответную реакцию именно как россиян. Но при других обстоятельствах эта идентичность мало проявляется, по понятным причинам. В 1991 году возникла качественно новая страна, которая пыталась себе выкроить костюм из остатков старого, вместо того чтобы пошить новый. По моему убеждению, эти структуры невозможно построить искусственно – они выращиваются, а социальные процессы требуют много времени.